

ИРКУТСКІЯ Епархіальныя вѣдомости.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Выходятъ еже-
недельно.

Цѣна год. изд. въ
Ирк. 5 р. съ пер.
по поч. 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ Редак. Иркут.
Епарх. Вѣд. при
Духов. Семинар.

марта 29

1886 г.

№

13

СОДЕРЖАНИЕ: Распоряженія епархіальнаго начальства.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

Послушникъ иркутскаго Вознесенскаго, св. Иннокентія, монастыря Илія Титовъ Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ епископомъ киренскимъ опредѣленъ на должность псаломщика къ усть-илгинской Одигитріевской церкви 6 февраля.

Опредѣленіемъ иркутскаго епархіальнаго начальства, на 15 февраля с. г. состоявшимся, утверждень въ должности церковнаго старосты къ куйдской Петропавловской церкви крестьянинъ Захальскаго селенія Иванъ Алексѣевъ Новоселовъ, на трехлѣтіе съ 1886 по 1888 г.

Принятый въ духовное званіе, потомственный почетный гражданинъ Александръ Георгіевъ Винокуровъ, согласно прошенію, иркутскимъ архипастыремъ 13 сего марта опредѣленъ на вакансію псаломщика къ градо-иркутской Владимірской церкви.

Епархіальнымъ начальствомъ назначены на сей годъ членами ревизіоннаго комитета священники градо-иркутскихъ церквей: Борисо-Глѣбской — Константинъ Лабинъ и Успенской — Василій Копыловъ и преподаватель иркутской духовной семинаріи Иванъ Львовъ Брызгаловъ.

Псаломщикъ средне-борзинской Богородице-Казанской церкви, перемѣщенный, по указу духовнаго правленія, отъ отъ 11 января за № 59, на ту же должность къ посольской Спасо-Преображенской церкви оставленъ на прежнемъ мѣстѣ, а вмѣсто него назначенъ въ Посольскъ сынъ его Петръ Стефановъ Телятьевъ.

При обзорѣніи епархіи Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ епископомъ киренскимъ въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ сего года Его Преосвященствомъ награждены набедренниками за содѣйствіе къ открытію церковно-приходскихъ школъ священники нижеслѣдующихъ церквей: 1) распутинской Троицкой — Григорій Поповъ, 2) илимской Спасской — Константинъ Малковъ, 3) тубинской Кирико-Улитовской — Владиміръ Амвросовъ, 4) Барапчанской Николаевской — Іаковъ Ларевъ, 5) кеульской Ильинской — Павелъ Тарховъ и 6) шаманской Трехъ-Святительской — Стефанъ Казанцевъ, — послѣдній за долговременное и полезное служеніе, священни-

ку коченгской Алексѣевской церкви Николаю Мичурину объявлена архипастырская благодарность со внесениемъ въ послужной списокъ, за примѣрное стараніе объ обученіи дѣтей Закону Божию и другимъ полезнымъ знаніямъ, псаломщику казачьей Покровской церкви (идинской вол.) Анемподисту Канаровскому объявлена публичная благодарность въ церкви за примѣрно-отличное устройство хора имѣ мѣстныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, со внесениемъ въ послужной списокъ.

За полезное служеніе, засвидѣтельствованное мѣстными благочинными, награждены стихарями причетники нижеслѣдующихъ церквей: 1) распутинской Троицкой—Николай Телятьевъ, 2) ядинской Преображенской—Антоній Мельниковъ, 3) шипицинской Михаило-Архангельской—Василій Утѣхинъ, 4) илимской Спасской—Алексѣй Подгорбунскій, 5) тубинской Кирико-Улитовской—Иванъ Поновъ, 6) кеульской Ильинской—Иванъ Псаломщиковъ, 7) шаманской Трехъ-Святительской—Феодоръ Чирцевъ, 8) братско-острожной Божоявленской—Петръ Чирцевъ, 9) громовской Петропавловской—Александръ Вдовинъ и 10) падунской Зосимо-Савватіевской—Александръ Лютиковъ.

На избраніе предсѣдателемъ приходскаго попечительства къ бянкинской Троицкой церкви отставнаго губернскаго секретаря Петра Васильева Плотникова и членами онаго попечительства купцовъ: Іакова Дементьева Иванова и Никандра Никифорова Жаркова, казаковъ: Стефана Иванова Никонова и Мирона Евфимова Душечкина и крестьянъ: Артемія Иванова Вершинина и Петра Григорьева Викулова,

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Мелетіемъ епископомъ селенгинскимъ изъявлено согласіе.

Резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Мелетія епископа селенгинскаго, отъ 1 сего марта, утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ единовѣрскимъ церквамъ: къ Архангельской (кочоны) Михаило-Архангельской—крестьянинъ Іоаннъ Григорьевъ Михайловъ, борохоевской Введенской—крестьянинъ Филиппъ Ивановъ Шишмаревъ и къ доинской Николаевской—казакъ Іоаннъ Теодоровъ Кирпичниковъ.

Резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Мелетія епископа селенгинскаго, отъ 27 декабря за № 8, согласно ходатайству благочиннаго священника Константина Корнакова, купеческая дочь Ирина Николаева Байбородина, окончившая курсъ въ верхнеудинской женской прогимназіи, утверждена въ должности учительницы при красноярской церковно-приходской школѣ, верхнеудинскаго округа.

22 февраля с. г., Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Мелетіемъ епископомъ селенгинскимъ освящена церковь Пресвятыя Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости въ верхнеудинскомъ тюремномъ замкѣ, завѣдываніе которою, исполненіе требъ и богослуженія поручено состоящему директоромъ тюремнаго комитета, протоіерею верхнеудинской Спасской церкви о. Анатолію Лавровскому и причту этой же церкви.

Резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Мелетія епископа селенгинскаго, отъ 3 марта за № 29, священникъ урюмканской церкви Филаретъ Титовъ утверждень въ должности законоучителя богдатекаго приходскаго училища.

Резолюціями Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Мелетія епископа селенгинскаго утверждены въ должности церковныхъ старостъ: 1) казакъ Григорій Кирилловъ Шадринъ—къ улятуевской Казанской церкви; 2) купецъ Михаилъ Алексѣевъ Самодуровъ—къ зюльзинской Предтеченской церкви и 3) крестьянинъ Григорій Якимовъ Терентьевъ—къ харашибирской Вознесенской церкви; всѣ трое на трехлѣтіе съ 1 января с. г. по 1 января 1889 года.

Резолюціею Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Мелетія епископа селенгинскаго, отъ 1 марта, на псаломщическую вакансію къ старооловской Петропавловской церкви назначень почетный гражданинъ Ѳеодоръ Анисимовъ Писаревъ.

Резолюціею Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Мелетія епископа селенгинскаго, отъ 29 января за № 6, народный учитель Ириной Шергинъ назначень на вакансію псаломщика тугнуйской Спасской миссіонерской церкви и вмѣстѣ учителемъ миссіонерской школы.

Иноходецъ Петръ Николаевъ Писаревъ утверждень церковнымъ старостою къ ононской (оловяно-рудничной) Петро-

павловской церкви, вмѣсто крестьянина Ивана Гаврилова
Пѣтухова, который уволенъ отъ сей должности.

Старшій урядникъ Петръ Петровъ Токмаковъ избранъ
предсѣдателемъ попечительства дурулгуевской Петропавлов-
ской церкви, на что изъявлено согласіе епархіальнаго на-
чальства.

Народный урядникъ Николай Николаевичъ Писаревъ избранъ пред-
сѣдателемъ попечительства дурулгуевской Петропавловской церкви, на что изъявлено согласіе епархіальнаго начальства.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

марта 29 № 13. 1886 года.

СОДЕРЖАНИЕ: Тайлаганы или общественныя жертвоприношенія у сѣверо-байкальскихъ бурятъ.

Тайлаганы, или общественныя жертвоприношенія у сѣверо-байкальскихъ бурятъ.

(Окончаніе).

Жертвоприношеніе началось возліяніемъ тарасуна и молока. Изъ толпы отдѣлились шесть *убугуновъ* (стариковъ), образовали фронтъ, обращенный лицомъ къ югу и держа въ рукахъ чашки съ тарасуномъ и молокомъ, затянули въ голосъ слѣдующее воззваніе батюшкѣ *Буха-ноену*:

Сэкъ! Буха-ноень-до!

Аргамай ехэ эбэртэй

Алмамай ехэ турун-тэй

Ханжана ехэ байнохтай!

Буха-ноень абай

Будавъ хатунъ изи!

Шэгэнь газар-аса,

Шабэрь-горхонъ уруслай.

Баганъ баганъ газаръ аса

Бардамъ хушэ уруслай....

Въ этомъ призываніи описываются физическія качества Буха-ноена. „Спустился онъ, говорится въ призываніи, съ

серебрянаго голубаго неба, спустился, касаясь спиною облаковъ, ступая копытами на землю; поправляетъ онъ шерсть свою, поворачиваясь на сѣромъ пескѣ; чешетъ онъ шею свою о бѣлую прямую березу; рога у него величайшія, а подшейная кожа волочится по землѣ; гдѣ остановился онъ (шэгэн газаръ аса), призoshелъ ручей Шабарь*); гдѣ пометъ оставилъ, выросъ великолѣпный кедровникъ“...

Призываніе повторялось съ разными вариантами три раза. Послѣ послѣдняго восклицанія: „Сэкъ Буха-ноену“, чашки бросили вверхъ, наблюдая при этомъ, какъ онѣ упадутъ. Если чашка упала отверстіемъ вверхъ, говорятъ „тойрокъ“, это значить хорошо, а если отверстіемъ внизъ, — это къ неблагополучію.

Послѣ возліанія араки начался убой обреченныхъ на съденіе животныхъ. Начали съ лошади. Окропивъ ее предварительно молокомъ, за переднія и заднія ноги привязали веревки, подернувъ ихъ въ противоположныя стороны, свалили животное спиною внизъ, и остро отточенный ножъ вонзился въ грудь беззащитной жертвы невѣдомому богу. Рѣзакъ дѣлаеть продолговатый разрѣзь на грудной полости и, пропихавъ въ него правую руку, отрываетъ сердце отъ кровеноснаго сосуда. Издавая прѣзрительный крикъ, животное издыхаетъ въ ужасныхъ конвульсіяхъ. Таже операція повторилась и надъ баранами. Признаюсь откровенно, что изъ желанія поближе познакомиться съ бурятскимъ *малъ алаху*, я рѣшился было посмотреть на эту ужасную операцію, но, будучи не въ силахъ вынести болѣзненныхъ стонѡвъ животнаго, отворотился и отошелъ по-скорѣе въ

*) Ручей Шабарь впадаетъ въ р. Иркутъ въ недалекомъ разстояніи отъ Кырэнскаго дацана.

сторону. И эта ужасная операція, говорятъ буряты, изобрѣ-
 теніе божественнаго Чингисъ-хана, который, по бурятскому
 преданію, былъ предобрая душа въ семействѣ. Прошло не
 болѣе 10 минутъ, какъ убитыя животныя были уже безъ
 шкуръ. Въ 5, 6 минутъ туши животныхъ разняли по ча-
 стямъ, при этомъ, въ видахъ сохраненія *шумугуна* (моз-
 га), кости не разрубались топоромъ, а, при помощи ножа,
 отдѣлялись одна отъ другой по суставамъ. Мясо расклады-
 валось въ отдѣльныя кучи и поступало въ распоряженіе
 цѣлаго десятка поваровъ. Запылали костры, изъ котловъ
 повалилъ густыми клубами паръ. Мясо варилось въ тогонахъ
 (котлахъ) не мытое, безъ всякой приправы и соли. Черезъ
 русскую глупую чистоту, говорятъ буряты, теряется вкусъ
 мяснаго. Въ воздухъ разнесся запахъ араки. Молодежь во-
 зилась и хлопотала около котловъ, а почетные уругуны
 (старики), поджавши подъ себя ноги, сидѣли на войлокахъ,
 покуривая табачекъ и попивая водку. Мясо сварилось, его
 вытацили изъ котловъ и стали дѣлить на равныя части;
 при этомъ тщательно соблюдалась строгая справедливость
 въ дѣлѣжкѣ, непременно, чтобы каждому семейству доста-
 лась часть всякаго сорта мяса. Получивши слѣдующую
 часть мяса, домохозяева разносятъ его въ деревянныхъ ко-
 рытцахъ, каждый на свой войлокъ—къ своей артели или
 семьѣ. Тогда *убугунъ*, распорядитель тайлагана, также бе-
 ретъ свое корыто съ мясомъ и, качая его въ воздухъ надъ
 главнымъ жертвеннымъ огнемъ, вслухъ всего народа про-
 износить слѣдующее воззваніе: „Барунъ оронъ-аса алтанъ
 хэшикъ хурэй, хурэй, хурэй! Хитать орон-аса идэнъ хэ-
 шикъ хурэй! Тубуть орон-аса номой хэшикъ хурэй, хурэй“!
 т. е. съ югозападной стороны золотое счастье приди! съ ки-

тайской стороны удовольствіе въ нищѣ приди! Съ тибетской стороны духовное удовольствіе приди, приди! Потомъ обратившись къ народной толпѣ громко восклицаетъ: „Хара тологой зонъ амаръ-мэндэ! Хэрэ тологой зонъ баран мэндэ! Черноголовый народъ здравствуйте! Темноволосые люди всѣ здравствуйте! Какъ бы въ отвѣтъ на привѣтствіе, всѣ и каждый домохозяинъ, качая своими корытами надъ жертвеннымъ огнемъ, кричали: „*хурэй, хурэй! Шоной шудунг угэй болокз! Шолунг эрмэкз угэй болокз, буру большинтай гаргаган. Э, хурэй!* Да будутъ волки безъ зубовъ, камни тупыми, а телята жирны!

Вслѣдъ за этой обрядностію началось, можно сказать, настоящее обжорство. Въ воздухѣ опять разнесся запахъ араки. Пирующие съ алчностью пожирали полусваренное мясо, ловко отрѣзая ножомъ мелкіе кусочки около самаго рта. При этомъ не совсѣмъ пріятно было смотрѣть, какъ у ядущаго жирный кусокъ конины какого-нибудь будунъ-ноена и у грызущей кость какой-нибудь хайханъ басагана (хорошенькой дѣвушки) изъ угловъ рта текла кровь недовареннаго мяса. За мясомъ слѣдовали въ видѣ десерта начиненныя кровью кишки. Съ удивительнымъ аппетитомъ пожираютъ буряты это національное кушанье. Это кушанье *идэнг* говорятъ буряты, *Богдо-чингисъ хаганъ исугэнъ хубунэй илакз идэнг!* Это кушанье было любимое блюдо божественнаго Чингисъ-хана Исугэева сына, который, покушавъ бычачьихъ и бараньихъ кишекъ съ кровью, заповѣдалъ: „отъ убитой скотинѣ ни крови, ни потроховъ, словомъ ничего съѣдобнаго не бросать“. Шумъ и говоръ ежеминутно увеличивались. Круговая чашка араки, туманя бритыя головы родичей, довершала блаженство. Отрывистыя

рѣчи перешли въ общій говоръ и крикъ, по времевамъ слышалась крутая русская брань, изъ отдаленныхъ кружковъ донсились горловые звуки заунывной пѣсни.

Покончивъ мясоѣденіе, чисто обглоданныя кости, какъ жертву бурхану, тщательно уложили на приготовленное изъ березокъ ширэ и сожгли на жертвенномъ огнѣ. Этимъ, можно сказать, оканчивается религіозно-обрядовая сторона тайлагана. Собравъ опустошенную посуду, родичи расходятся по домамъ. На мѣстѣ тайлагана между потухавшихъ костровъ бродила цѣлая стая голодныхъ собакъ, а въ воздухѣ носились степные коршуны. Возвращаясь съ тайлагана, буряты, обыкновенно, берутъ горящія головни отъ жертвеннаго огня и, по пріѣздѣ домой, кладутъ ихъ на огонь домашняго очага. При этомъ женатые люди считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ привезти своей *хухишинъ* (женѣ) жирный кусокъ конины, такъ какъ замужнія женщины лишаются права участвовать при жертвоприношеніи на тайлаганѣ.

Вечеромъ послѣ лѣтнаго тайлагана устраиваются танцы и разныя увеселенія, въ которыхъ принимаютъ участіе и мужчины и женщины, холостые парни и дѣвицы.

Въ увеселительномъ отношеніи главнымъ и существеннымъ содержаніемъ бурятскихъ игрищъ служить *ехоръ*, который представляетъ собою общую неизмѣнную форму коллективныхъ любовно-увеселительныхъ отношеній бурятской молодежи.

Ехоръ—это не только игра, или забава, но онъ заключаетъ въ себѣ цѣлый кодексъ выработанныхъ степными обычаями морали и приличія, въ границахъ которыхъ регулируется сближеніе бурятской молодежи. Это, можно ска-

зять, тотъ же этикетъ, которымъ руководствуются интеллигентные свѣтскіе люди на балахъ и въ салонахъ.

Какъ на паркетѣ какого-нибудь милліонера-вельможи, такъ и на братской степи несоблюденіе условныхъ правилъ приличія можетъ скандализировать компанію.

Ехоръ начинаетъ обыкновенно артистъ-запѣвало, который, взявши за руки двухъ басагановъ (дѣвиць) выходитъ на сцену, напѣвая заунывно-протяжнымъ голосомъ: „*Э, э, наша прыш, ехорѣ духэй хатарышъ!*...

Къ нимъ присоединяются другія любители ехора, образовавши кругъ, начинаютъ медленно двигаться въ одну сторону, лѣниво переступая съ ноги на ногу, напѣвая все въ голосъ:

Тохомъ шинэн газари,
Тойрокъ байжи хатарье,
Гэээгэтхи сажа-я
Тонхеръ, сонхеръ, хатарья!

Подъ заунывный напѣвъ этой импровизаціи улусныя красавицы, желая выказать женственную прелесть своихъ движеній, кокетливо жестикулируютъ движеніемъ головы и плечь, а молодые хубуны (парни) соперничаютъ съ ними ухарствомъ. Это, можно сказать, первая фигура ехора. Отдохнувши немного, артистъ начинаетъ второй куплетъ импровизаціи:

Хатарахши морин-до
Хату мина шамай-да,
Хатараша надан-да
Ехоръ-духэй шамай-да!...

При болѣе оживленныхъ звукахъ этой импровизаціи танцоры уже начинаютъ подпрыгивать, хубуны поталкиваютъ плечемъ басагановъ.

Вялая и чуждая поэзии жизнь монголо-бурята рельефно обнаруживает себя и въ пѣсняхъ и въ пляскѣ. Напѣвъ бурятскихъ пѣсенъ грустно-унылый, онъ наводитъ на душу грустное чувство; въ немъ слышится какое-то смутное безполезное сожалѣніе о чемъ-то невозвратномъ, только въ концѣ куплетовъ вырываются иногда какіе то дикіе и рѣзительные звуки.

И все это вполне объясняется тою монотонностію степи, которая окружаетъ бурята, тою незначительною подвижностію, въ которой онъ проводитъ свою жизнь, тѣмъ бѣднымъ запасомъ знаній, которымъ онъ обладаетъ. Вялый и апатичный сынъ степи; буряты, не отличается живостію воображенія. Оно дремлетъ въ немъ подобно тому, какъ дремлетъ онъ самъ отъ однообразія своей кочевой жизни, отъ бѣдности своихъ моральныхъ потребностей. Ему чужды поэтическіе вымыслы и скудный запасъ его пѣсенъ не отличается роскошью фантазій, въ нихъ видѣнъ неподвижный, консервативный характеръ азіатца, полный пассивной апатіи ко всѣмъ разъ зауроченнымъ невздамъ, совершенно чуждый всякой активной энергіи.

Бурятскій ехоръ вялъ и неловокъ. Это далеко не то, что наше разудалое русское *трепака*, когда подъ ногами ловкаго плясуна трясется изба и клокочетъ въ груди ретивое. Правда и при ехорѣ импровизированныя пѣсни быстро смѣняются одна другою и переходятъ въ концѣ въ какіе-то дикія безсвязные звуки: „ехэ, ихэ, ехоръ-я!... При чемъ танцоры, плотно прижимаясь другъ къ другу, скачутъ съ разинутыми ртами; но все это не болѣе какъ только напоминаетъ старинныя легенды о пляскѣ мертвыхъ на гробницѣхъ.

Въ то время, какъ бурятская молодежь веселилась танцами въ ехорѣ, почетные уругуны и знатные будунъ-ноены, не имѣя силъ и охоты къ хороводнымъ движеніямъ, съ эпикурейскою безнечностію возсѣдали тамъ и сямъ на войлокахъ и, пресыщаясь дарами *Вакха*, импровизировали пріятныя событія изъ своей жизни, начиная съ картинныхъ видовъ окружающей природы до частныхъ видовъ мелкой домашней жизни, выхваляли подвиги храбрыхъ монголовъ, удалъ и ловкость своихъ стрѣлковъ, поражающихъ мѣткою винтовкою лѣснаго звѣря. Здѣсь можно подслушать рассказы о грозныхъ временахъ Богдо чингисъ-хана, о плачевномъ состояніи туземцевъ при нашествіи *эхэ хахалтай манготовъ* длиннородыхъ чудовищъ (русскихъ казаковъ), которые владѣли ужаснымъ оружіемъ, издающимъ огненные звуки, о звѣрскихъ выходкахъ ихъ хана Ибанъ Багаба (Ивана Похабова), который, между прочимъ, имѣлъ ужасный обычай *угаръ угахо* купать одушевленные бурятскія существа въ прорубяхъ рѣки Ангары; здѣсь же слышатся рассказы о графѣ Саввѣ Рагузинскомъ, проложившемъ дорогу по нашей землѣ и опредѣлившемъ границы золотою цѣпью.

Иногда съ рассказами о герояхъ можно подслушать подробные рассказы и о какомъ-нибудь частномъ событіи, которое дало поводъ напиться до безпамятства.

Подъ вечеръ, къ развлеченію публики выводятъ борцовъ. Атлеты выходятъ безъ рубахъ. Медленно подвигаются другъ къ другу, бросая искоса страшные взгляды, то склоняясь впередъ, схватывая землю и натирая руки, то уклоняются въ сторону—сторожатъ моментъ—и вдругъ разомъ бросаются одинъ на другаго. Борьба началась. Борцы

долго ломають другъ друга, стараясь свалить одинъ другаго, но послѣ продолжительныхъ усилій свалились оба, продолжаютъ бороться, валяясь по землѣ, наконецъ одинъ взобрался на другаго, и началъ давить. Изъ толпы выскочили нѣсколько человекъ и стащили побѣдителя съ его жертвы. Побѣжденный едва поднялся съ полу и, почесывая затылокъ, незамѣтно скрылся въ толпѣ. Не много спустя побѣдитель опять явился на сцену, сталъ важно расхаживать, поджидая соперника. Соперникъ не замедлилъ. Съ минуту потоптались на одномъ мѣстѣ, схватились, — удачный приемъ, и борьба кончилась.

Говоря о разныхъ увеселеніяхъ монголо-бурятъ, нужно замѣтить при этомъ и то, что у бурятъ не считается тотъ праздникъ на славу, на которомъ не было драки. И тайлаганъ 28 іюня не обошелся безъ драки. Ссора завязалась изъ-за какихъ-то пустяковъ. „*Ягаб-ши*“? говоритъ одинъ, смѣло подступая къ другому. „*Юндэ тэнгэлэб-ши*“ (что ты не сдурѣлъ-ли?), отвѣчаетъ другой показывая своему противнику жирный кулакъ. Пошолъ *пьяная морда!* (Въ экстренныхъ случаяхъ буряты выражаются по-русски). Обиженный не стерпѣлъ, — завязалась потасовка. Толпа любопытныхъ обступила сцену. Иные дрались на кулаки, другіе употребляли въ дѣло дымящіяся головни, и всѣ эти сцены, завершавшія пиръ и веселье, происходили безъ всякой видимой причины къ ссорѣ. Нѣкоторыхъ отъявленныхъ буряновъ привязывали къ арсамъ и отправляли *гыртэ* (домой). Къ позднему вечеру поле пиршества усеяно было трупами павшихъ героевъ бахуса; многіе лежали уже безъ чувствъ, съ открытыми головами, уткнувшись носомъ въ землю. Нѣжная супруга ходила отъ одного трупа къ другому, оты-

скивая своего вѣрнаго нухура (мужа), нашедши, оборачивала его лицомъ вверхъ и вливала въ горло нѣсколько капель араки. Иной расхаживалъ, отыскивая друга и, наткнувшись на врага, давалъ ему нѣсколько пинковъ въ спину, но отъ напряженія терялъ равновѣсіе и падалъ тутъ же съ нимъ рядомъ. Державшіеся еще на ногахъ нѣсколько человѣкъ подошли къ намъ и каждый силился что-то сказать, о чемъ то спросить, но языкъ не повиновался и все разомъ требовали, чтобы ихъ выслушать. Далѣе уже не было возможности оставаться въ кругу очумѣвшихъ родителей; припоминая древнее правило: „саве multos, si singulos non times“, мы сочли за лучшее удалиться во свояси. Было уже далеко за полночь. Ясный мѣсяцъ тихо плылъ по темному небу, обливая своимъ волшебнымъ свѣтомъ обширную степь и эту *хохто боло* группу людей, въ безпорядкѣ бродившихъ около потухавшихъ костровъ. Улеглись стада, замолкли собаки; но долго еще въ воздухѣ раздавались горловые звуки монотонной пѣсни:

„Манагаръ огло ирэйгэ!

Сугла мяха шанахоб,

Манажи байганъ адун-га,

Нигэ хоюри уххуб....

„Завтра утромъ приходи ко мнѣ, кучу мяса наварю тебѣ“... Заунывнымъ, тявущимъ за душу фальцетомъ долго тянулась эта безконечная пѣсня, долго еще раздавались дикіе крики буяновъ, долго носились въ воздухѣ безсвязныя рѣчи, пока, наконецъ, тяжелый сонъ не сковалъ ослабѣвшіе члены погулявшихъ на славу родителей.

Свящ. В. К. Яковлевъ

Ректоръ Иркутской Духовн. Семинаріи Архимандритъ Григорій.

Печать дозволяется; Цензоръ, Инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи *Иванъ Стуковъ.*